

УДК 821.161.1"19"-054.72(092)
ББК 83.3(2=411.2)6-008.6,8 Лукаш И.С., 4
DOI 10.25281/2072-3156-2019-16-6-652-665

Н.Н. НОСОВ

ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙНОГО МНОГООБРАЗИЯ ТВОРЧЕСТВА И.С. ЛУКАША В ДИЛОГИИ «ДОМ УСОПШИХ» И «ДЬЯВОЛ»

Николай Николаевич Носов,

Российская государственная библиотека,
научно-исследовательский отдел библиографии,
младший научный сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия
ORCID 0000-0001-6079-2677; SPIN 7786-8622
E-mail: Nossov1984@mail.ru

Реферат. Статья посвящена произведениям крупного писателя первой волны эмиграции И.С. Лукаша, опубликованным в зарубежных изданиях на русском языке. Прежним литературоведением творчество И.С. Лукаша осмыслялось фрагментарно, подчас односторонне, иногда предвзято. Целью статьи является решение двух задач: прослеживание творческой эволюции И.С. Лукаша; постановка и обоснование гипотезы о правомерности объединения в дилогию таких его произведений, как мистерия «Дьявол» и поэма «Дом усопших», ранее

в отдельности не рассматривавшихся. Указанным задачам подчинено структурирование статьи по разделам, из которых первый посвящен идейно-тематической эволюции И.С. Лукаша как писателя, второй — гипотетическому единству мистерии «Дьявол» и поэмы «Дом усопших». При помощи каталогов и фондов крупнейших библиотек России и зарубежья выявляются и привлекаются иностранные издания сочинений И.С. Лукаша на русском языке. На основе этого материала предпринимается анализ идейного многообразия творчества И.С. Лукаша. Выявляется основной круг повествовательных тем, раскрывается жанровое многообразие, авторская индивидуальность, неповторимость философского видения. Прослеживается эволюция творчества И.С. Лукаша, в которой выделяются три основных хронологических этапа: эгофутуристический, военно-патриотический, «петербургский». Из творческого наследия И.С. Лукаша впервые особое значение придается мистерии «Дьявол»

и поэме «Дом усопших», подчеркнута жанровое своеобразие обоих произведений. В контексте прослеженной идейной эволюции творчества И.С. Лукаша на различных уровнях — хронологическом, жанровом, текстологическом, нарративном, философском — подвергается проверке гипотеза о правомочности объединять оба произведения в условную дилогию. В выводе отмечается актуальность обоих произведений И.С. Лукаша и для нашего времени.

Ключевые слова: И.С. Лукаш, издания на русском языке, творчество, идейная эволюция, эгофутуризм, военно-патриотическая литература, «петербургский текст», «петербургский миф», «Дьявол», «Дом усопших», поэма, мистерия, жанр, дилогия.

Для цитирования: Носов Н.Н. Отражение идейного многообразия творчества И.С. Лукаша в дилогии «Дом усопших» и «Дьявол» // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 6. С. 652–665. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-6-652-665.

Крупный русский писатель первой волны эмиграции Иван Соколович Лукаш (1892–1940) (рис. 1), работавший в различных стилях и жанрах художественной прозы, прошел на своем пути значительную творческую эволюцию. В настоящее время переиздаются отдельные его работы, публикуются избранные произведения, но о заключительной оценке его творчества говорить еще не приходится. По видимости, ее затрудняет тот широкий диапазон творческой деятельности И.С. Лукаша, который и препятствует подведению столь идейно разнообразных произведений под общий знаменатель. Отдельных переизданий, охватывающих далеко не все многообразие наследия И.С. Лукаша, оказывается недостаточно для того, чтобы комплексно подытожить характер его творчества.

В попытке наметить ориентиры, приближающие к осмыслению индивидуальности творчества И.С. Лукаша, настоящая статья выполняет задачу в хронологической последовательности выявить основную смену идей-

Рис. 1. Иван Лукаш

но-тематических черт его произведений и попытаться определить «центральный нерв» его творчества, синтезирующий все его проявления воедино.

Источниковой основой для статьи послужили книжные издания произведений И.С. Лукаша, хранящиеся в Фонде литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки. Источники уточнялись по каталогам ведущих библиотек России — Российской национальной библиотеки, Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, Дома русского зарубежья. Основным навигатором по библиографии И.С. Лукаша в период с 1928 г. по 1990 г. служит база данных «Книги на русском языке, изданные за рубежом, 1927–1991» (http://infoculture.rsl.ru/RSKD/asp/RUZ/uif_ruzar.htm). Рассмотрим основные вехи идейной эволюции творчества И.С. Лукаша.

ЭГОФУТУРИЗМ

Первые литературные опыты Лукаша [1], творившего в тот период под псевдонимом Иван Оредеж (рис. 2), представляют собой циклы ритмизированных прозаических миниатюр и проистекают в рамках эгофутуризма, отличаясь преуве-

личной смертностью, пессимистическим и даже эсхатологически безысходным взглядом на окружающий и внутренний мир, мистицизмом и элементами достаточно жесткого натурализма, неосознанно тяготеющего отчасти к экспрессионистскому методу.

Творчество начинающего писателя носило аполитичный характер, но сам И.С. Лукаш придерживался эсеровских, затем кадетских взглядов. Он радостно встретил Февральскую революцию 1917 г., но в 1918 г., категорически не приняв Октябрьский переворот и уехав из Петрограда в Киев, вступил в Добровольческую армию А.И. Деникина. С этого времени формируется бесповоротное отношение И.С. Лукаша к большевизму и революции: «Революция — убийца России. Революция пробила сердце России отравленной стрелой. Революция растоптала под костлявыми ступнями голода русский народ; смыла в крови и пожарищах его хозяйство, придушила русскую науку и красоту, расстреляла свободную русскую мысль, совесть и слово. И вот, подняла уже революция сатанинскую свою лапицу на самого Бога... Чтобы поднять Русь — надобно преодолеть и сбросить бессмысленный и беспощадный русский бунт. Это понятно теперь даже детям. В революции Руси нет. <...>. Там четырехлетний бунт, холодные и терзающие пытки черни, коммунистическая трупарня» [2, с. 25]. Такой взгляд задает всю последующую идейную и тематическую направленность творчеству И.С. Лукаша.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ТЕМА

Новая — военно-патриотическая — тема отразилась в книге «Голое поле» [3] — художественно обработанном очерке о Белых формированиях П.Н. Врангеля, А.П. Кутепова и А.В. Туркула. В неизменной поэтичности прозы стилистически сохраняются взятые еще в период эгофутуризма и уже навсегда закрепленные за литературным стилем писателя ноты экзальтированности и метафизичности художественного восприятия

и изложения. В мессианском ключе автор принимается рассуждать об отечестве: «Светлое воинство, призрак белый, благостно веет уже над Россией. Нетленные белые розы возрастают на черном русском кресте...» [3, с. 73].

Своеобразным преломлением военной темы явилась проделанная И.С. Лукашем литературная обработка армейских воспоминаний времен Гражданской войны генерала А.В. Туркула, результатом которой явилась вышедшая в 1937 г. книга «Дроздовцы в огне» [4] (переизданная в 1948, 1990 гг.) (рис. 3). Автор вспоминает: «Зимой 1933 года, по одной только памяти, я начал рассказывать писателю И.С. Лукашу, тоже участнику Белого движения, все, что живо запечатлелось мне о славной Дроздовской Дивизии. Это были не воспоминания, а впечатления о боевом огне, живые для меня навсегда. Затем я получил заметки, боевые дневники, записки и документы от моих доблестных соратников. Все это и собрано в книгу о Дроздовцах. За помощь горячо благодарю всех соратников и моего неутомимого сотрудника, старшего унтер-офицера из вольноопределяющихся, Ивана Лукаша» [4, с. 1–2]. По устным сообщениям знакомой писателя певицы Н.В. Плевичкой, И.С. Лукаш оказал ей подобную помощь с литературной обработкой книги воспоминаний [5].

«ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕКСТ»

Проявлением осознания и любви к отечеству в творчестве В.С. Лукаша явилась и тема его родного Санкт-Петербурга, с детства запечатлевшегося в сердце писателя. Отвечая на вопросы анкеты журнала «Числа» о причинах упадка русской литературы, И.С. Лукаш усматривает этот кризис в «снижении и разгроме сознания нации, в опрощающих идеях мира, человека и общества» и в давнем отсутствии у литературы «нового духовного наполнения, новой идеи» [6, с. 318–320]. Говоря о том, что над русской литературой «еще не возгорелся новый свет» [6, с. 318–320], писатель, наследуя, с одной стороны, Серебряному веку с его мифотворчеством и богоискательством, с другой, приблизившись к петербургской книжной традиции, — творчески решает

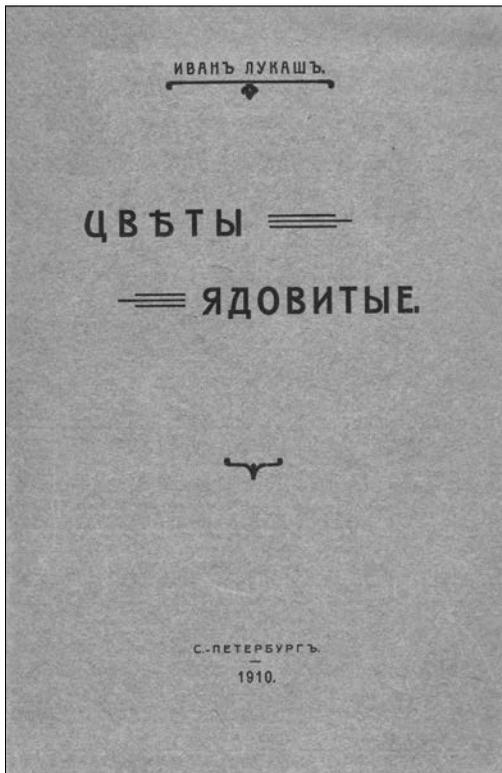

Рис. 2. Обложка сборника «Цветы ядовитые» (Санкт-Петербург, 1910)

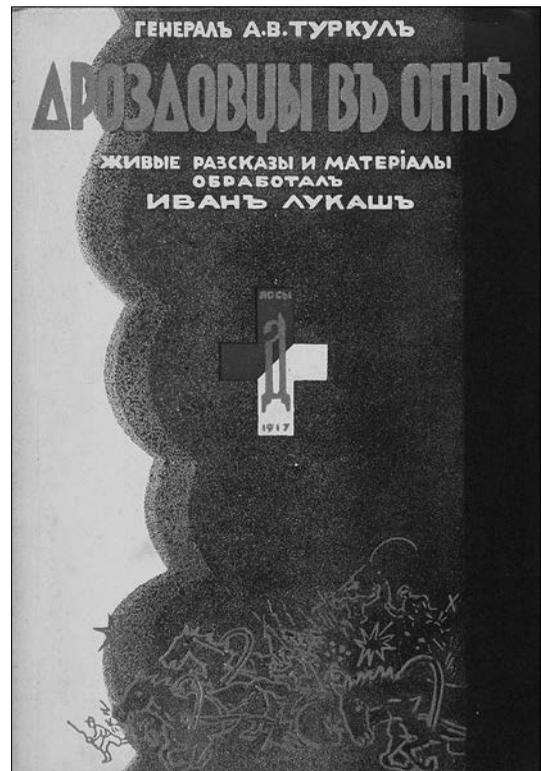

Рис. 3. Туркул А.В. Дроздовцы в огне: Живые рассказы и материалы [4]

эту проблему созданием своего рода личного «петербургского мифа». И.С. Лукаш развивал ставшую если не основной, то наиболее яркой страницей его писательства тему Санкт-Петербурга и «петербургского мифа» в судьбе России [7, с. 40]. Однако это справедливо лишь в количественном соотношении произведений. Свое место в творчестве И.С. Лукаша, хотя и в меньших пропорциях, находит и «московский текст» [8; 9], и тема Карпат [10; 11].

Прологом к «петербургскому мифу» Лукаша могло бы послужить написанное им к очерку эмигрантского автора С. Горного «Санкт-Петербург» предисловие: «В шкатулке сложены маленькие человечки, солдатики, игрушечные шарманки, крошечные дома, нитки набережных, дуги мостов, малютки-экипажи, малютки-фонари, углы вывесок, кусочки синих трамвайных билетов, пара ржавых коньков “Джаксонхэй”, резиновый мяч, чья-то калоша с медной буквой, капли дождя, горсть петербургского снега, осколки петербургских гранитов. <...>. Санкт-Петербург <...> не палящая столица двуглавых орлов, не мгlistый

и суровый город Империи, не странная столица Медного всадника, Носа, Шинели, Невского проспекта, Портрета, не Пальмира, сквозящая мертвым светом пророческих белых ночей, — а Питер недавний, обиходный, смутный и оттепельный, в живом роении улиц. Это маленький Санкт-Петербург из шкатулки детства <...> — сказка о том, что уже было и что будет когда-нибудь снова» [12, с. 5–6].

Обрисованный метод живописания «маленького Петербурга детства» осваивается И.С. Лукашем в столь же маленьких очерках «Гроза» [13, с. 87–96] и «Серебрянский край» [14, с. 20–22]. Первый — эпизод о детских летних каникулах, проведенных автором в местечке Выра Гатчинского района, близ реки Оредеж (отсюда псевдоним писателя); второй — предвещающее историзм в творчестве И.С. Лукаша впечатление об исторических событиях прошлого, имевших место в другом близлежащем местечке.

Преодолевая провинциальную узость и достигая столичных масштабов, соответственно разрастается и свойственный И.С. Лукашу метод формирования «петербургского мифа».

Рис. 4. Обложка книги «Чорт на гауптвахте» [15]

Рис. 5. Обложка книги «Дворцовые гренaдеры» [16]

То, что, исходя из предисловия к книге С. Горного, дорого сердцу И.С. Лукаша, в его собственном творчестве закладывается в основу чего-то более значительного, достигаемого при помощи уже опробованных бывшим эгофутуристом иных литературных средств и с привлечением исторической основы. Не тревожа милых сердцу старины и сокровенности детства, И.С. Лукаш вместе с тем устремляется вместить в эту «шкатулку» апокалипсис пережитой эмигрантом современности. В основу своего «петербургского мифа» писатель закладывает следующий пространственно-временной континуум:

1. легендарно-исторический, традиционный Петербург прошлого;
2. современный Петербург периода октябрьского переворота и Гражданской войны.

Первая линия нашла отражение в сборниках исторических рассказов «Чорт на гауптвахте» [15] (рис. 4), «Дворцовые гренaдеры» [16] (рис. 5), «Сны Петра» [17]¹, в повести

¹ Несмотря на то что книга содержит подзаголовки «Трилогия», при этом имея только два раздела, пони-

«Граф Калиостро» [19], в романе «Бедная любовь Мусоргского» [20] и в пьесе «Метелица» [21], написанной в соавторстве с М.П. Зацким.

В свое осмысление Санкт-Петербурга И.С. Лукаш вносит то новшество, что, традиционно противопоставляя бывшую столицу остальным пространствам страны, полюса этих противопоставлений кардинально меняет местами: «Петербург есть вещь, а не призрак. Санкт-Петербург, многомиллионная северная столица, отмеченная во всех географических атласах, — призраком почитаться не

мать ее как трилогию позволяет действие рассказов, происходящее последовательно в трех временных отрезках: в XVIII и XIX вв. и во время Октябрьского переворота. Сам автор конкретизирует: «Не случайно, хотя и со многими опасениями, решил я также объединить весь сборник определением: трилогия в рассказах. Решил я так потому, что подбирая для сборника рассказы, написанные мною в разное время, мне показалось, что в них есть одна мысль, за которой я следовал несколько лет: мысль о том, что мое отечество было обречено на ту его судьбу, которая раскрылась на глазах нашего поколения» [17, с. 3]. Впоследствии была издана книга, включившая избранные рассказы данной трилогии [18].

может. Полагаю более того, что вся Россия, бревенчатая, раскинутая в невылазных грязях и под дождевым моросивом, отчасти известная европейскому миру пенькой, рогожами, антоновским яблоком и медными самоварами <...>, — может почитаться за призрак, и громадную туманность, и студенистое нечто, но отнюдь не столица российская, гранитный город Санкт-Петербург. <...>. Петербург есть вещь, и весьма тяжелая, и весьма громоздкая вещь, гранитом своим все туманное нечто российское придавившая <...>. Призрачность Петербурга суть одно только дыхание его, и не больше» [15, с. 7–10].

«Солдаты, масоны, призраки, обещающие любовь и вечно исчезающие женщины, мистическая аура вещей, магия старинных портретов, тонкое дыхание зла, Медный всадник, символ и фантом невской столицы, — таков тематическо-образный круг исторических рассказов Лукаша» [7, с. 402].

Продолжая свой парадоксальный вывод логически, десятилетием позже И.С. Лукаш рассуждает: «Россия, восставшая в величестве и славе от манования Петра, моя Россия и моих отцов — солдат, была невоплощенным до конца Сном Петра, полуявью и полувидением, сменой снов, движимых к горчайшему пробуждению. Невоплощенным сном Петра и сошла Россия» [17, с. 3].

В литературной анкете И.С. Лукаш неожиданно для творца «петербургского текста» и «мифа» отмел автора, без которого сложно представить мифологему Санкт-Петербурга и которого сложно представить без мифологемы Санкт-Петербурга — Ф.М. Достоевского. Последнему И.С. Лукаш приписал внесение в литературу «идеи хаоса и разрушения», под которыми «литература погребена и теперь» [6, с. 319]. Исходящие из-под пера Ф.М. Достоевского образы И.С. Лукаш понимает как то, что, экстраполируя столицу на общерусскую ментальность, писатель «желтого Петербурга» ввергает олицетворяемую столицей явь в сон (понятие, семантически близкое к понятию «призрак») за десятилетия до того, как это доведет до воплощения большевики. В таком случае парадоксально и констатируемое И.С. Лукашем «горчайшее пробуждение»: пробуждение в сон. Но именно это не позволяет

Рис. 6. Роман «Вьюга» [23]

автору занимать пессимистических позиций, поскольку всякий сон чреват пробуждением, а, по И.С. Лукашу, сон чреват пробуждением в мечту («греза» — еще одно понятие в семантическом ряду «сон» — «призрак»). «Налицо не школьные “упадок” или “расцвет”, а несомненный кризис, глубочайшее переходное состояние вместе с переходным состоянием всей России. Смысл текущей литературы в том и заключается, чтобы из такого кризиса выйти», — заключает И.С. Лукаш [6, с. 320].

Вторая компонента хронотопа «петербургского мифа Лукаша» — Петербург современный — нашла отражение в романах «Бел-цвет» [22] и «Вьюга» [23] (рис. 6). «Бел-цвет», вполне сообразуясь с переходом в творчестве Лукаша от областничества к столичному тексту, повествует о приезде героя после периода сельской жизни в Петербург. Соответственно этим этапам завершается беззаботная юность героя и начинается жизнь взрослого, таящая вовлеченность сначала в служебную чиновничью серость, а затем в события Первой мировой войны. Становление героя метафизически связано

с вечно недостижимым, под стать блоковской Незнакомке, образом возлюбленной, что находит частичное отражение и в романе «Вьюга». Он писался Лукашем для конкурса, объявленного Академией общественного воспитания и сотрудничества в Париже в 1933 году². По его условиям от произведений требовалось описание психологии «большевизма и разрушения в семье, стране, обществе с точки зрения вековых традиций, созданных христианской доктриной и моралью» [23, с. 1]. Путь главного персонажа перекликается с путем героя романа «Бел-цвет», который обретает себя (пробуждается ото сна) на Гражданской войне.

Не отмечая художественной экспрессивности, достигнутой в эгофутуристический период, храня в шкатулке сердца Санкт-Петербург детства, а в памяти легендарно-историческую имперскую столицу, Лукаш, следуя своему личному «петербургскому мифу», в котором исходит из того, что город есть не призрак, но конкретная вещь, подступает к Санкт-Петербургу, насильственно ввергаемому в сон самой жуткой русской колыбельной: Октябрьским переворотом. Здесь открываются двери в «Дом усопших».

«ДОМ УСОПШИХ» И «ДЬЯВОЛ»

Особыми для творчества Лукаша выдались 1922–1923 гг., когда из-под его пера выходит проза в жанрах мистери («Дьявол» [24])³ и поэмы («Дом усопших» [26])⁴. Этой причудливой манерой жанрового определения писатель возвращается

² Ввиду изменений в составе международного жюри, укомплектованного представителями узкокатолической традиции, И.С. Лукаш был исключен из списка лауреатов: формально за то, что в произведении «христианская мораль слишком растворена в славянском мистицизме», непосредственно — за несоответствие католической доктрине.

³ В библиографическом списке, включенном в издание романа «Бедная любовь Мусоргского» 1967 г., «Дьявол» значится как поэма [25, с. 194].

⁴ К жанру поэмы И.С. Лукаш относит и свое прозаическое произведение «Государь» [27, с. 85–145], сюжетно и идейно, впрочем, представляющее к гипотетической дилогии такую же прелюдию, как прочие сочинения «петербургского цикла».

к обычаю Серебряного века принимать в качестве жанра прозы симфонию (Андрей Белый), поэму (Жагадис) и т. п. Необычная жанровая принадлежность, заданная Лукашем этим своим произведениям, выделяет их среди прочих, предполагая отдельное их рассмотрение. Даже обложки обеих книг выполнены единой кистью художника М.Л. Урванцова с соблюдением общей, не встречающейся в прочих изданиях книг Лукаша стилистики (рис. 7–8).

В предисловии к первому российскому двухтомнику избранных сочинений И.С. Лукаша мистерия «Дьявол» не упоминается вовсе, а о поэме «Дом усопших» лишь вскользь заявлено, что «книга, честно говоря, не удалась...» [28, с. 17–18]. Такое заключение предопределило позицию по данному предмету иных современных исследователей творчества И.С. Лукаша, точнее, ее почти полное отсутствие. В лучшем случае оба произведения упоминаются попутно, однако из общего контекста не выводятся, не говоря уже об отдельных рассмотрениях. Можно наблюдать, что в большей степени исследователи настроены на сравнительное изучение творчества Лукаша, выявление влияний на него прежней литературы, литературных мифов и прототипов. Л. Спроге выделяет «пушкинский миф» [29, с. 331–343], П.М. Лавринец ассоциирует творчество Лукаша с Н.В. Гоголем и т. д. Несомненно, можно проследивать также влияние Ф.М. Достоевского, Л.Н. Андреева и др., но в отдельное осмысление «Дьявола» и «Дома усопших» это не вносит много конкретики, поскольку, как верно замечает П.М. Лавринец, упоминая оба названия в качестве иллюстрации своей мысли о различной организации крупной прозы и малых произведений, создававшихся И.С. Лукашем в тот же период: «Такой [интертекстуальной. — Н. Н.] установкой рассказы <...> отличаются и от опытов крупной прозы 1922–1923 гг. («Дьявол», «Дом усопших», «Бел-цвет») с принципиально иной организацией повествования, не нацеленной на актуализацию литературных прототипов» [30, с. 33–45].

Это подсказывает, что данные тексты занимают в творчестве И.С. Лукаша совершенно особенное место, синтезируя все осваивавшиеся им грани литературного мастерства и содержа наиболее глубокие историософские и метафи-

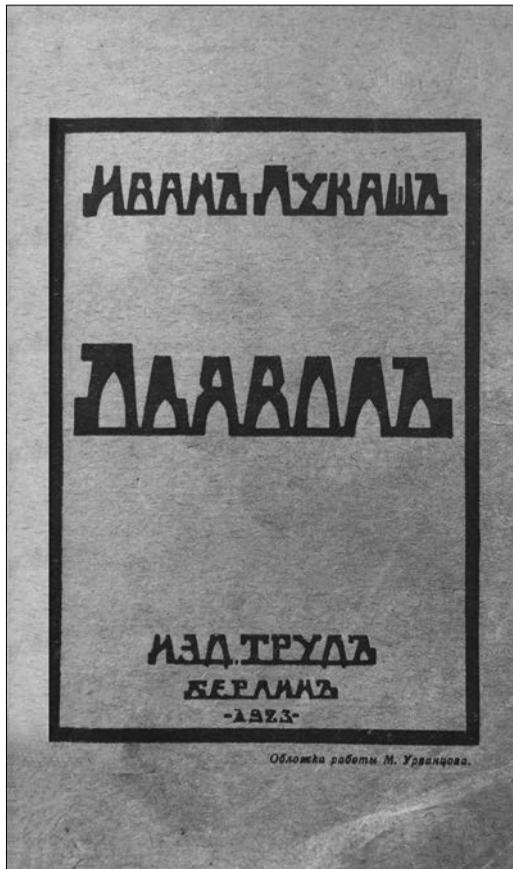

Рис. 7. Мистерия «Дьявол» [24]

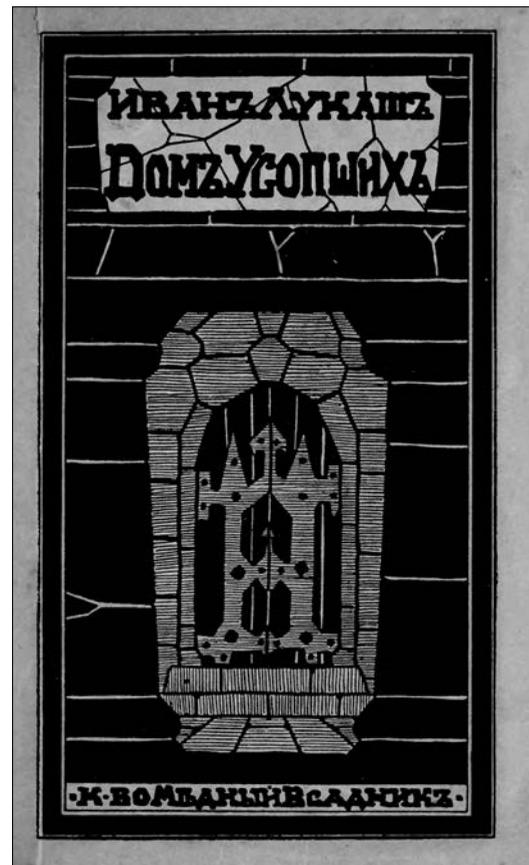

Рис. 8. Поэма «Дом усопших» [26]

зические обобщения, наличие которых и приводит к гипотезе выделения обоих текстов в отдельную дилогию. Не имея общей сюжетной линии и общих персонажей, оба произведения всецело самостоятельны, и говорить о них как о дилогии правомерно, основываясь лишь на интертекстуальной их взаимосвязи.

Не представляется возможным доподлинно установить последовательность создания обоих текстов⁵ и прояснить, совпадает ли она с тем, что в интертекстуальном отношении «Дьявол», завершаясь сценой в психиатрической больнице, предшествует «Дому усопших», в котором действие начинается в больнице и разворачивается в ней целиком. Порядок издания обоих сочинений этой последовательности соответствует, а, исходя из того, что И.С. Лукаш, при несомненно православном исповедании, блестяще знал мистику и посвященную ей лите-

⁵ В книге «Дьявол» имеется указание на место и время окончания создания: «15 июня 1922 г. Г. Тырново, Болгария» [24, с. 148]. На обложке — 1923 г. издания.

ратуру, вводя множество этих сведений в свои произведения, можно предположить и такого рода трактовку. В частности, И.С. Лукаш хорошо разбирался в традиции карточных гаданий, о чем свидетельствует, например, вольно продолжающая пушкинскую «Пиковую даму» повесть И.С. Лукаша «Карта Германна» [15, с. 79–98]. В эмиграции он взаимодействовал с русским масонством [31], к сфере исканий которого относилась, среди прочих, традиция гадания на картах таро, наибольшее представление о которой в России времен юности И.С. Лукаша давала книга «Предсказательное Таро» [32]. Согласно ей колода такого типа гадательных карт подразделяется на 22 старших и 56 младших арканов. Старшие представляют собой ряд символических изображений, каждое из которых имеет индивидуальную трактовку. 15-м и 16-м арканами выступают соответственно «дьявол» (преобладающая сила, болезнь) и «богадельня» — понятие, семантически близкое названию «Дом усопших» (разорение, отчаяние), что прицельно соответ-

ствуется наименованиям и смыслам рассматриваемых произведений И.С. Лукаша. Это наблюдение дополнительно позволяет гипотетически предполагать последовательность и единство обоих произведений, выделяя их в отдельную дилогию.

Текстологически оба произведения выполнены в единой, свойственной лишь им стилистике, суммирующей все наиболее выразительное из наработанного Лукашем в ходе его творческой эволюции. Произрастая на самом глубоком уровне из эгофутуризма ранних произведений, дилогия стилистически отчуждается от языковых конструирований этого направления, но заимствует присущие ему надрыв, макабричность и зачастую сгущенный натурализм, в результате взаимослияния которых художественно приближается к стилистике экспрессионизма.

Оба произведения вписаны в военно-патриотический контекст, но в их случае это лишь необходимая для развития конфликта зримая вершина, подобно тому, как под символом дома усопших было бы поверхностно понимать лишь революционную Россию, а под символом дьявола — разрушающий ее безбожный террор.

От «петербургского текста» дилогия далеко отстоит тематически — лишь в «Дьявол» включена невероятная по силе воздействия сцена реквиема по Санкт-Петербургу: во время занятия большевиками Зимнего дворца «у черного рояля, высоко приподнимая костлявые плечи, бледный офицер со всей силы бьет по клавишам. Офицер пьян, побелело его лицо, а мокрые губы дрожат. Офицер рвет клавиши дикой бравадой марша» [24, с. 39]. Весь «петербургский миф» И.С. Лукаша обретает здесь наиболее завершенное обобщение, а сопутствующее соотношение «сон — явь» с наибольшей силой проявляется в «Доме усопших», что следует уже из самого заглавия поэмы.

Из «петербургского текста» здесь заимствуются, прежде всего, художественные приемы, придающие повествованию порождающую фантазмагоричную зримость трехмерной неразделенности между пространством реальным и ирреальным, где последнее может проявляться в форме озарения, наития, бреда или сна.

Мистерия повествует о попавшем в психиатрическую клинику поэте, спешащем доверить поэму «Корабли Воскресения» перед не-

отвратимым воцарением над ним и над целым миром дьявола. Мистерия (изначально исторически тайное богослужение, затем театральное действие на религиозные сюжеты) бессознательно разворачивается в стенах клиники между больными, где одни мнят себя богами, а иные — их свидетелями: «Больница умалишенных — огненный дом... На стенах палат и одиночек, в серой известке, текут и плещут темные потоки непрочитанных иероглифов, оборванные надписи, начальные слова невысказанных откровений, чертежи и схемы величайших открытий, отрывки божественных песен, пророчества, формулы непонятых тайн, знаки немых достижений, квадраты и круги, алгебраические вычисления и снова квадраты и треугольники в кругах... Здесь нет ни времени, ни счета. Под сводами темных палат, за тяжкими, окованными дверями смешение всех чисел и всех времен человеческих. Прошлое и настоящее, бывшее и небывшее согласно поют здесь свою негромкую, смутную хоровую...» [24, с. 122–123]. Образ недостижимой возлюбленной из романа «Бел-цвет» в мистерии через образы Евы — венца творения, матери-земли и Богородицы — озарения земли — распространяется на родину-Русь, тем самым придавая ей мессианское значение. Богу-Отцу молится поэт о помиловании дьявола, молится и сам дьявол о помиловании всей земли. Поэт, наконец, отождествляет с дьяволом себя, Господа обретая в таком же сумасшедшем старике, который, провозглашая себя Богом и прощая дьявола, в ту же ночь умирает.

Вывод, возглашаемый в буйствующей палате прощенным «дьяволом», важен не только идейно, но и текстологически, напрямую отсылая к сложной философской картине поэмы «Дом усопших»: «...Нет греха и нет святости, нет добра и нет зла, а есть единая Огненная Любовь, и когда хладеет любовь, — тогда зовется она грехом и злом, и когда умирает любовь, — тогда она темна, как ненависть, как померкшая ночь... Но Господь мой вновь зажжет зарю свою над землею. Любовь Огненная запылала над человечеством» [24, с. 144].

В «Доме усопших» действие переносится в иную больницу, разворачиваясь в советском санатории для туберкулезных больных, попавших в лечебницу с фронта. Сюжет пред-

ставляет собой череду пространных мировоззренческих диалогов. На пороге смерти поиск истины по-своему актуализируется для каждого из героев. Узловой является 14 глава поэмы, где от лица доктора И.С. Лукашем излагается, по всей вероятности, собственное, выстраданное и обретенное для себя объяснение экзистенциальных вопросов о бытии как о продукте взаимодействия материального и духовного начал. Основываясь на данных естественных наук, филологии и на Священном Писании, доктор исходит из личной «теории о двойном рождении» [26, с. 136], согласно которой голосовые и половые органы, звук и семя, развиваясь одновременно, соответствуют рождению духа («В начале было Слово») и рождению плоти. Звук (согласно данным филологии, неизменно образующий мысль) наделяет мысль — душой — семя, закладывая в него непреходящую божественность. Живой организм, следовательно, рождается одновременно в теле и в мысли. Тело, материя, таким образом, — «есть та бессмысленная форма, которой на земле обрастает мысль» [26, с. 137]. Разлагаясь, т. е. сгорая, материя образует дух — огонь, продукт горения. И тогда «что такое жизнь?.. Это тело и дух, это сгорание и огонь, это материя и мысль, это ненависть и любовь. Любовь, всепобедительная любовь. Вся вселенная есть вихрь огненной любви, созидающей в пекле вечных сгораний, во вселенском круговороте смертей и рождений, вечное пламя свое. А музыка огненной любви есть Слово. В начале было Слово и Слово было к Богу... Заметьте — к Богу, потому что и само Слово зародилось в любви. Любовь была в начале всего. Любовь и есть Бог» [26, с. 142–143].

В это время дьявол есть мертвая, не подверженная сгоранию материя, горящая, но не сгорающая, обособляющаяся от горения, от духа и мысли в вещь, замкнутую в самой себе. И, таким образом, любая форма материализма, отметающего огненное (духовное) начало, является служением смерти. Потому и апокалипсический фон в финале мистерии «Дьявол» сворачивается до сниженной параллели в виде кошмара в палате душевнобольных.

Храм, где служат дьяволу, смерти — «дом усопших» — лишь номинально мертвецкая

при туберкулезном диспансере, описанная в лучших традициях ранних сочинений Лукаша-эгофутуриста. Так же слишком просто было бы увидеть в символе «дома усопших» лишь растерзанную войной и революцией Россию романа «Вьюга». «“Дом усопших” — обман. Дома строят живым, и разве надобен дом трупной падали? “Дом усопших” — это торжественно обманывающие слова, за которыми нет ни тихой музыки, ни светлых зал, ни реющих призраков. “Дом усопших” — ввинченная на четыре винта чугунная вывеска над гнилостным подвалом, над тошной трупарней, сочащей сладковатую и теплую вонь» [26, с. 176]. Там поголовно находят последний приют все персонажи действия, в том числе и искренне отозвавшийся накануне смерти на проповедь доктора. Но потому возникает ощущение, что для него и для подобных ему, освободившихся хотя бы в последние часы жизни от материалистического мировоззрения — смерти духовной — никакая мертвецкая домом усопших стать не может, сообразуясь с присущим творчеству И.С. Лукаша концептом «засыпания в пробуждение».

Критикой, при всей недооценке поэмы «Дом усопших», обращалось внимание на то, что через 20 лет после ее создания сам Лукаш скончался накануне Второй мировой войны, 15 мая 1940 года, в медонской больнице. Скончался от туберкулеза» [28, с. 18], не личной ли судьбой обозначив самый финальный этап в собственной жизни?

Творчество И.С. Лукаша входит в сферу интересов исследователей и в наши дни. Историк-архивист, собиратель русских эмигрантских архивов, заведующий Архивом-библиотекой Российского фонда культуры, публикатор и комментатор произведений И.С. Лукаша В.В. Леонидов заявлял о подготовке в Российском фонде культуры собрания сочинений И.С. Лукаша, «которое будет состоять как минимум из десяти томов»⁶. На сегодняшний день оно еще не увидело свет. В 2016 г. был издан объемный сборник сочи-

⁶ Иван Созонтович Лукаш. Биография [Электронный ресурс]. URL: <http://skola.ogreland.lv/literatura/lukash/slovo/luk001.htm> (дата обращения: 27.08.2019).

нений И.С. Лукаша «Рок империи» [33], включивший, однако, лишь создававшиеся, начиная с 1924 г., произведения непосредственно исторического характера. Как указано в аннотации: «В повестях, рассказах и очерках Лукаш оживляет образы минувшего и облик его героев» [33, с. 5].

Мистерия же «Дьявол» и поэма «Дом усопших», выдержав по единственному изданию при жизни автора, поныне не переизданы и даже не проанализированы. Возможно, они отпугивают критику как эстетически, так и идейно. Но актуальность этих произведений в будущем подтверждается хотя бы только тем, что, имея представление о поэме «Дом усопших» или нет, но спустя 40 лет после ее появления по изумительно схожей с ней модели выстраивает одно из главных своих произведений — роман «Раковый корпус» — Александр Исаевич Солженицын.

Список источников

1. Лукаш И.С. Цветы ядовитые. Санкт-Петербург : Тип. И. Флейтмана, 1910. 6 с.
2. Лукаш И.С. [Из ответа на вопрос Общества галлиполийцев: «Что думаете вы о Галлиполи? Какое значение имеет Галлиполи для русской армии и эмиграции?】 // Живым и гордым. Белград : Общество галлиполийцев, 1923. 39 с.
3. Лукаш И.С. Голое поле: (Книга о Галлиполи): 1921 г. София : Балкан, 1922. 77 с.
4. Туркул А.В. Дроздовцы в огне: живые рассказы и материалы / генерал А.В. Туркул ; обработал Иван Лукаш. Белград : Светлост, 1937. 324 с.
5. Плевицкая Н.В. Дежкин карагод. 1925–1930. Ч. 1. Мой путь к песне / вступ. А.М. Ремизова. Берлин : [Б. и.], 1925. 109 с.
6. Лукаш И.С. Литературная анкета // Числа / под ред. И.В. де Манциарли и Н. Оцуа. [Париж] : Société Nouvelle d'Éditions Franco-Slaves, 1930. Кн. 2–3. 334 с.
7. Чанцев А.В. Лукаш Иван Созонтович // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. Москва : Большая Российская энциклопедия. (Русские писатели XI–XX вв.). 1994. Т. 3 : К–М. 592 с.
8. Лукаш И.С. Пожар Москвы : [роман]. Париж : Возрождение, [1929]. 328 с.
9. Лукаш И.С. Страна отцов. Фишбек : Единение, 1947. 75 с. (Библиотека «Единение»).
10. Лукаш И.С. Ветер Карпат : роман. [Б. м.] : Возрождение, 1938. 124 с.
11. Лукаш И.С. Поп Андрелла: Этюд // Путями истории: Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни / под ред. О.А. Грабаря. Нью-Йорк : Свободное слово Карпатской Руси. Т. 1. 1977. С. 136–139.
12. Горный С. Санкт-Петербург / предисл. И. Лукаша. [Мюнхен] : Милавида, [1925]. 54 с.
13. Лукаш И.С. Гроза // Колос: Русские писатели русскому юношеству. Шавиль : Общежитие для русских мальчиков в Шавиле, 1928. 135 с.
14. Лукаш И.С. Серебрянский край // Инвалид: Литературный сборник / под ред. А. Андреева. Париж : [Группа инвалидов Марсельского Отдела], 1934. 32 с.
15. Лукаш И.С. Чорт на гауптвахте : Три петербургских истории. Берлин : Изд-во Е.А. Гутнова, 1922. 98 с. (Библиотека «Сполохи»). Содерж.: Чорт на гауптвахте; История одной треуголки; Карта Германна.
16. Лукаш И.С. Дворцовые гренадеры. Париж : Возрождение, [19--]. 135 с. Содерж.: Дворцовые гренадеры ; A qui pense l'empereur ; Куранты ; Портрет ; Поликсена ; Тихая зоря ; Невечерняя ; Дурной арапчонок ; Треуголка ; Повесть о госпоже Марии-Анне Коллот.
17. Лукаш И.С. Сны Петра: Трилогия в рассказах. Белград : [Издательская комиссия Палаты Академии Наук], 1931. 197 с. (Русская библиотека ; кн. 31). Содерж. разд. : Сны Петра ; Кровельщик.
18. Лукаш И.С. Сержанты Бомбардии: Исторические рассказы. [Б. м.] : [Б. и.], [194-]. 31 с. Содерж. : Сержанты Бомбардии ; Три барабанщика ; Узник ; Тимпаны.
19. Лукаш И.С. Граф Калиостро: Повесть о философском камне, великих розенкрейцерах, волшебном золоте, московском бакалавре и о прочих славных и чудесных приключениях, бывших в Санкт-Петербурге в 1782 году. Берлин : Арзамас, 1925. 152 с.
20. Лукаш И.С. Бедная любовь Мусоргского. Paris : Возрождение, 1940. 186 с.
21. Лукаш И.С. Метелица: Фантазмагорическое приключение санкт-петербургского чиновника в 9-ти картинах с прологом и эпилогом / соч. М. Зацкого и И. Лукаша. Рига : Mip, 1931. 85 с.
22. Лукаш И.С. Бел-цвет : роман. [Берлин] : Медный всадник, [1923]. 306 с.

23. Лукаш И.С. Вьюга : роман. Париж : Возрождение, 1936. 253 с.
24. Лукаш И.С. Дьявол : мистерия. Берлин : Труд, 1922. 148 с.
25. Лукаш И.С. Бедная любовь Мусоргского. Washington : Victor Kamkin, 1967. 194 с.
26. Лукаш И.С. Дом усопших : поэма. Берлин: Медный всадник, 1923. 187 с.
27. Лукаш И.С. Государь : поэма // Веретено: Литературно-художественный альманах. Berlin : Отто Кирхнер и К°, 1922. Кн. 1. 248 с.
28. Филин М.Д. В поисках подлинной России // Лукаш И.С. Сочинения : в 2 кн. / сост. и вступ. ст. М.Д. Филина. Москва : Интелвак, 2000. Т. 1. Пожар Москвы. 575 с. (Литература русской эмиграции).
29. Спроге Л. Пушкинский миф Ивана Лукаша // Пушкинские чтения в Тарту 2: Материалы международной научной конференции 18–20 сентября 1998 г. / ред. Л. Киселева. Тарту, 2000. С. 331–343.
30. Лавринец М.П. И.С. Лукаш в берлинско-ковенском еженедельнике «Эхо» // Русско-латышские литературные контакты. Вып. 2: Иван Лукаш: приближение к творчеству / Red. E. Mekšs. Daugavpils : Daugavpils Universitātes izdevniecība «Saule», 2006. С. 33–45.
31. Серков А.И. Массонская ложа Великий Свет Севера и русские писатели (1922–1933 гг.) [Электронный ресурс]. URL: <https://memphis-misraim.ru/library/articles/masonskaya-lozha-velikii-svet-severa-i-russkie-pisateli/> (дата обращения: 27.08.2019).
32. Предсказательное таро, или Ключ всякого рода карточных гаданий / сост. д-р Папюс ; пер. с фр. под ред. А.В. Трояновского. Санкт-Петербург : Д.А. Наумов, 1912. 211 с. (Книга тайн и тайны книги).
33. Лукаш И.С. Рок империи : сочинения 1924–1940 гг. / сост. М.А. Рыбаков. Москва : Спорт и культура, 2016. 509 с.

Reflection of the Ideological Diversity of I.S. Lukash's Works in his Dilogy "The House of the Dead" and "The Devil"

Nikolay N. Nosov

Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka Str.,
Moscow, 119019, Russia
ORCID 0000-0001-6079-2677; SPIN 7786-8622
E-mail: Nossov1984@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to the works of I.S. Lukash, a significant writer of the first wave of emigration, that were published abroad in Russian. Previous literary criticism comprehended I.S. Lukash's works fragmentary, sometimes one-sided, sometimes biased. The aim of the article is to complete two tasks: to trace the creative evolution of I.S. Lukash; to formulate and substantiate the hypothesis of appropriateness to unite in a dilogy his mystery "The Devil" and his poem "The House of the Dead", never considered separately before. These tasks caused the structuring of the article into sections, of which the first is devoted to the ideologi-*

cal and thematic evolution of I.S. Lukash as a writer, the second – to the hypothetical unity of the mystery "Devil" and the poem "The House of the Dead". With the help of catalogs and collections of the largest libraries in Russia and abroad, the article identifies and engages foreign publications of I.S. Lukash's work in Russian. On the basis of this material, there is performed an analysis of the ideological diversity of I.S. Lukash's works. The article reveals the main range of narrative themes, the genre diversity, the author's individuality, the uniqueness of philosophical vision. There is traced the evolution of I.S. Lukash's works, in which three main chronological stages are distinguished: ego-futuristic, military-patriotic, "St. Petersburg".

From I.S. Lukash's creative heritage, the article, for the first time, pays special attention to the mystery "The Devil" and the poem "The House of the Dead", and emphasizes the genre originality of both the works. In the context of the identified ideological evolution of I.S. Lukash's works at various levels – chronological, genre, textual, narrative, philosophical – there is examined the hypothesis of appropriateness to unite the two works into a conventional dilogy. The conclusion notes the up-to-date relevance of both the works by I.S. Lukash.

Key words: I.S. Lukash, publications in Russian, creative works, ideological evolution, ego-futurism, military-patriotic literature, "St. Petersburg text", "St. Petersburg myth", "The Devil", "The House of the Dead", poem, mystery, genre, dilogy.

Citation: Nosov N.N. Reflection of the Ideological Diversity of I.S. Lukash's Works in his Dilogy "The House of the Dead" and "The Devil", *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 6, pp. 652–665. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-6-652-665.

References

1. Lukash I.S. *Tsvety yadovitye* [Poisonous Flowers]. St. Petersburg, I. Fleitmana Publ., 1910, 6 p.
2. Lukash I.S. From the Answer to the Question of the Gallipoli Society: "What Do You Think of Gallipoli? What Is the Significance of Gallipoli for the Russian Army and Emigration?" *Zhivym i gordym* [To Those Living and Proud]. Belgrade, Obshchestvo Gallipolitssev Publ., 1923, 39 p.
3. Lukash I.S. *Goloe pole: (Kniga o Gallipoli): 1921 g.* [The Bare Field: (A Book about Gallipoli): 1921]. Sofia, Balkan Publ., 1922, 77 p.
4. Turkul A.V. *Drozdovtsy v ogne: zhivye rasskazy i materialy* [The Drozdovtsy in Fire: Live Stories and Materials]. Belgrade, Svetlost Publ., 1937, 324 p.
5. Plevitskaya N.V. *Dezhkin karagod. 1925–1930. Ch. 1. Moi put' k pesne* [The Dezhkin Karagod. 1925–1930. Part 1. My Way to Song]. Berlin, 1925, 109 p.
6. Lukash I.S. Literary Profile, *Chisla* [Numbers], Société Nouvelle d'Éditions Franco-Slaves Publ., 1930, book 2–3, 334 p. (in Russ.).
7. Chantsev A.V. Lukash Ivan Sozontovich, *Russkie pisateli 1800–1917: Biograficheskii slovar'* [Russian Writers 1800–1917: Biographical Dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya Publ. 1994, vol. 3: K–M, 592 p.
8. Lukash I.S. *Pozhar Moskvy* [The Fire of Moscow]. Paris, Vozrozhdenie Publ., 328 p.
9. Lukash I.S. *Strana ottsov* [The Fathers' Land]. Fischbeck, Edinienie Publ., 1947, 75 p.
10. Lukash I.S. *Veter Karpat: roman* [The Wind of the Carpathians: novel]. Vozrozhdenie Publ., 1938, 124 p.
11. Lukash I.S. Priest Andrella: Essay, *Putyami istorii: Obshcherusskoe natsional'noe, dukhovnoe i kul'turnoe edinstvo na osnovanii dannykh nauki i zhizni* [Through the Ways of History: The All-Russian National, Spiritual and Cultural Unity Based on the Data of Science and Life]. New York, Svoobodnoe Slovo Karpatskoi Rusi Publ., vol. 1, 1977, pp. 136–139 (in Russ.).
12. Gornyi S. *Saint Petersburg*, Milavida Publ., 54 p. (in Russ.).
13. Lukash I.S. Thunderstorm, *Kolos: Russkie pisateli russkomu yunoshestvu* [The Spike: Russian Writers to Russian Youth]. Chaville, Obshchezhitie dlya Russkikh Mal'chikov v Shavile Publ., 1928, 135 p. (in Russ.).
14. Lukash I.S. Serebryansky Region, *Invalid: Literaturnyi sbornik* [Invalid: Literary Collection]. Paris, 1934, 32 p.
15. Lukash I.S. *Chort na gauptvakhte: Tri peterburgskikh istorii* [The Devil in the Guardhouse: Three Petersburg Stories]. Berlin, E.A. Gutnova Publ., 1922, 98 p.
16. Lukash I.S. *Dvortsovye grenadery* [The Palace Grenadiers]. Paris, Vozrozhdenie Publ., 135 p.
17. Lukash I.S. *Sny Petra: Trilogiya v rasskazakh* [Peter's Dreams: A Trilogy of Stories]. Belgrade, 1931, 197 p.
18. Lukash I.S. *Serzhanty Bombardii: Istoricheskie rasskazy* [Sergeants of Bombardia: Historical Stories], 31 p.
19. Lukash I.S. *Graf Kaliostro: Povest' o filosofskom kamne, velikikh rozenkreitserakh, volshebnoe zolote, moskovskom bakalavre i o prochikh slavykh i chudesnykh priklyucheniyakh, byvshikh v Sankt-Peterburge v 1782 godu* [Count Cagliostro: The Story about the Philosopher's Stone, the Great Rosicrucians, the Magic Gold, the Bachelor of Moscow, and Other Glorious and Wonderful Adventures That Happened in St. Petersburg in 1782]. Berlin, Arzamas Publ., 1925, 152 p.
20. Lukash I.S. *Bednaya lyubov' Musorgskogo* [Mussorgsky's Poor Love]. Paris, Vozrozhdenie Publ., 1940, 186 p.
21. Lukash I.S. *Metelitsa: Fantasmagoricheskoe priklyuchenie sankt-peterburgskogo chinovnika v 9-ti kartinakakh s prologom i epilogom* [The Blizzard: A Fantasmagorical Adventure of a St. Petersburg Clerk in 9 Scenes with Prologue and Epilogue]. Riga, Mir Publ., 1931, 85 p.
22. Lukash I.S. *Bel-tsvet: novel*, Mednyi Vsadnik Publ., 306 p. (in Russ.).
23. Lukash I.S. *V'yuga: roman* [The Snowstorm: novel]. Paris, Vozrozhdenie Publ., 1936, 253 p.
24. Lukash I.S. *D'yavol: misteriya* [The Devil: mystery]. Berlin, Trud Publ., 1922, 148 p.
25. Lukash I.S. *Bednaya lyubov' Musorgskogo* [Mussorgsky's Poor Love]. Washington, Victor Kamkin Publ., 1967, 194 p.

26. Lukash I.S. *Dom usopshikh: poema* [The House of the Dead: poem]. Berlin, Mednyi Vsadnik Publ., 1923, 187 p.
27. Lukash I.S. The Sovereign: poem, *Vereteno: Literaturno-khudozhestvennyi al'manakh* [The Spindle: Literary and Artistic Almanac]. Berlin, Otto Kirchner i K° Publ., 1922, book 1, 248 p.
28. Filin M.D. Looking for a Genuine Russia, *Lukash I.S. Sochineniya: v 2 kn.* [Lukash I.S. Works: in 2 books]. Moscow, Intelvak Publ., 2000, vol. 1. Pozhar Moskvyy [The Fire of Moscow], 575 p. (in Russ.).
29. Sproge L. The Pushkin Myth of Ivan Lukash, *Pushkinskie chteniya v Tartu 2: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 18–20 sentyabrya 1998 g.* [Proceedings of the International Scientific Conference "Pushkin Readings in Tartu 2" (September 18–20, 1998)]. Tartu, 2000, pp. 331–343 (in Russ.).
30. Lavrinets M.P. I.S. Lukash in the Berlin-Kaunas Weekly "Echo", *Russko-latyshskie literaturnye kon-takty. Vyp. 2: Ivan Lukash: priblizhenie k tvorchestvu* [Russian-Latvian Literary Contacts. Issue 2: Ivan Lukash: Approaching Creativity]. Daugavpils, Daugavpils Universitātes izdevniecība "Saule", 2006, pp. 33–45 (in Russ.).
31. Serkov A.I. *Masonskaya lozha Velikii Svet Severa i russkie pisateli (1922–1933 gg.)* ["The Great Light of the North" Masonic Lodge and Russian Writers (1922–1933)]. Available at: <https://memphis-misraim.ru/library/articles/masonskaya-lozha-velikii-svet-severa-i-russkie-pisateli/> (accessed 27.08.2019).
32. Troyanovsky A.V. (ed.) *Predskazatel'noe taro, ili Klyuch vsyakogo roda kartochnykh gadanii* [The Predictive Tarot, or the Key of Any Kind of Card Divination]. St. Petersburg, D.A. Naumov Publ., 1912, 211 p. (Kniga tain i tainy knigi [The Book of Secrets, and the Secrets of Book]).
33. Lukash I.S. *Rok imperii: sochineniya 1924–1940 gg.* [The Doom of the Empire: Works 1924–1940]. Moscow, Sport i Kul'tura Publ., 2016, 509 p.

НОВИНКА

Российские литераторы начала XX века на страницах московских газет. 1901–1917 : библиографический указатель : в 2 томах / Рос. гос. б-ка, отдел газет ; [сост.: В.Н. Булгакова (отв. ред.), Т.Л. Столярец, Т.И. Кравченко, Ю.В. Чеславская]. Москва : Пашков дом, 2019. Том 1 : А — Л. 470, [1] с. : ил. Т. 2 : М — Я. 470 с. : ил.

Библиографический указатель «Российские литераторы начала XX века на страницах московских газет. 1901–1917» подготовлен по фондам Российской государственной библиотеки. Он дает панораму московской литературной жизни начала XX века. Указатель содержит информацию о 409 литераторах, среди которых видные писатели, поэты и публицисты начала XX в. и их менее известные и незаслуженно забытые современники.

Издание снабжено вспомогательным именной указателем авторов и лиц, упоминаемых в статьях.

Справки и заказ изданий:

119019, Москва, ул. Воздвиженка, д. 3/5
Российская государственная библиотека,
Издательство «Пашков дом», отдел книжных изданий
Pashkov_Dom@rsl.ru, Pashkov_Dom.Book@rsl.ru
http://store.rsl.ru/service/pashkov_dom
+7 (499) 557-04-70, доб. 25-72